

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.11-112

ББК 81.432.4Нем

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-22-34>

МОДЕЛИ ИМПЕРСОНАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТЕ «ХЕЛИАНДА»

Елена Валерьевна Разумных

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Описываются основные типы синтаксических структур, реализующих стратегию обезличивания в тексте древнесаксонского «Хелианда». Значимость исследования определяется малой изученностью памятников древнесаксонского в целом, а также возможностью дополнить общую картину грамматических, семантических и функциональных особенностей категории имперсональности в древнегерманском ареале. Сделан вывод о разнообразии в тексте безличных и смежных с ними конструкций, а также о наличии регулярных параллелей с родственными языками.

Ключевые слова: древнесаксонский язык, древнеанглийский язык, безличность, неопределенно-личные конструкции, семантический субъект

Для цитирования: Разумных Е. В. Модели имперсонализации в тексте «Хелианда» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 2. С. 22–34. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-22-34>

Original article

IMPERSONALIZATION STRATEGIES IN OLD-SAXON “HELIAND”

Elena V. Razumnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article focuses on major types of syntactic structures used to implement the impersonalization strategy in the Old Saxon text of ‘Heliand’. The importance of the study arises from little attention hitherto given to Old-Saxon written artifacts, as well as from the possibility to facilitate reconstruction of the overall picture of grammatical, semantic, and functional features of the impersonality category in old Germanic languages. It is established that Old-Saxon possessed a variety of impersonal structures that had regular equivalents in cognate languages.

Key words: Old Saxon, Old English, impersonality, indefinite-personal structures, semantic subject

For citation: Razumnykh, E. V. (2026). Impersonalization strategies in Old-Saxon “Heliand”. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 2, pp. 22-34. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-22-34>

Введение

Древнесаксонский язык, известный также как древненижне немецкий, отражает документально зафиксированное языковое состояние, предшествовавшее средненижне немецкому языку, условный рубеж между которыми приходится на XII в. Будучи частью ингвеонской ветви западногерманских языков вместе с древнефризским и древнеанглийским, он обнаруживает множество сходств с последним: считается, что древнеанглийский и древнесаксонский были взаимопонятными. Из сохранившихся памятников на древнесаксонском наибольшей значимостью отличается анонимная эпическая поэма «Хелианд». Написанная древнегерманским аллитерационным стихом и насчитывающая около 6000 строк, она представляет собой повествование о жизни Христа, объединяющее содержание всех четырех Евангелий. Помимо этого, корпус доступных для изучения текстов включает фрагмент ветхозаветной Книги Бытия (Genesis) и небольшие прозаические тексты различного рода (подробный список см. в [Gallee, 1910, S. 4–8; Krogh, 1996]). Применительно к «Хелианду» имеется достаточно широкий круг спорных и так и не получивших однозначного исследовательского решения вопросов, в частности дата и место происхождения текста, его авторство и мотивы, лежащие в основе создания памятника, а также соответствие письменного текста реально существовавшей в то время разговорной традиции или же его «искусственность» (о возможных теориях и трактовках см. [Robinson, 1992, p. 109–110; Heliand und Genesis, 1903, S. XV–XIX; Гухман, Семенюк, 1983, с. 35–37]).

Другим аспектом, о котором нельзя не упомянуть в связи с древнесаксонским языком и его сохранившимися памятниками, является малое внимание, которое они получили в исследовательской традиции вплоть до настоящего времени. Так, к едва ли не единственным наиболее полным для времени своего создания грамматическим описаниям относятся *Altsächsische Grammatik* [Gallee, 1910], *Altsächsisches Elementarbuch* [Holthausen, 1921] и *Die Syntax des Heliand* [Behaghel, 1897]. Отдельный грамматический сегмент, а именно особенности употребления личных местоимений в тексте поэмы «Хелианд» как наиболее объемного сохранившегося памятника на древнесаксонском, освещен в *Die pronomina personalia und ihr Gebrauch im Heliand* [Behrmann, 2025]. Из более современных работ известна *Die Stellung des Altsächsischen im Rahmen der germanischen Sprachen* [Krogh, 1996], которая выступает продолжением диссертационного исследования автора о месте древнесаксонского среди древнегерманских языков и сосредоточена по большей части на его фонетических особенностях и чертах флективного словоизменения в сравнении с древнеанглийским, древнефризским, древненидерландским и древневерхне немецким.

В отечественной науке различные аспекты языкового строя древнесаксонского затрагиваются в двух не имеющих по своей значимости аналогов коллективных трудах [Историко-типологическая морфология... , 1977–1978; Сравнительная грамматика германских языков, 1962–1966]. Помимо этого, имеется диссертация, посвященная лексическим и стилистическим характеристикам текста «Хелианда» [Сафонова, 1978]; круг затрагиваемых в этой работе вопросов включает диалектную идентификацию текста, особенности поэтического языка, различия между рукописями, синонимику, формульность, стилистическую дифференциацию сложных слов.

Что касается немногочисленных словарей древнесаксонского, из них доступны *Althochdeutscher und Altsächsischer Glossenwortschatz* [Schützeichel, 2004] и *Altsächsisches Handwörterbuch* [Tiefenbach, 2010]. Небольшие словарные описания включены в издание «Хелианда» Э. Зиверса [Heliand, 1878], а

также в совместное издание текстов «Хелианда» и «Бытия» [Heliand und Genesis, 1903].

В целом этим исчерпывается перечень исследовательских и лексикографических работ, что предопределяет актуальность любых дальнейших изысканий применительно к памятникам древнесаксонского, будь то описания синхронного характера, диахронические или сравнительные языковые труды. Представляется, что новые исследования, выстроенные с учетом как накопленных наблюдений над материалом родственных древнегерманских языков, так и общих тенденций развития грамматической науки, способны внести свой вклад в понимание одного из древнейших языковых состояний в германском ареале.

Цель, материал и методы исследования

В центре внимания настоящего исследования — семантико-синтаксические формы реализации категории персональности/имперсональности, под которой понимается прежде всего различная степень выделенности/устраненности семантического субъекта в структуре предложения в сочетании с его референциальными характеристиками. Приступая к исследованию древнесаксонского текста на предмет выявления в нем таких языковых форм, следует сделать два предварительных замечания.

Во-первых, данная категория не ограничивается понятием грамматического лица как способа указания на участников или неучастников коммуникации, а также грамматического субъекта, выраженного в предложении подлежащим в форме именительного падежа. Именно отсутствие последнего, а точнее, невозможность для предиката согласовываться с номинативной формой подлежащего, стало традиционным критерием выделения в ряде языков (к примеру, в славянских) так называемых односоставных безличных предложений, хотя присутствие во многих таких структурах семантического субъекта и противоречия между категориями логики и грамматики на протяжении долгого времени акцентируются исследователями. В связи с этим сам термин «безличность» является во многом условным и допускает различные толкования [Зеленецкий, 2004, с. 173]. В тех языках, морфосинтаксические параметры которых требуют обязательной двусоставности предложения или же определяют предрасположенность к такому строю (к ним относятся в том числе и германские языки на современном этапе их развития), выделение безличных предложений на основе упомянутого критерия становится затруднительным. Как правило, речь в данном случае идет об определенных маркерах безличности, которые вместе с функцией обезличивания как представления действия, протекающего в некоторой степени отрыва (независимости) от его производителя, занимают позицию формального, семантически пустого подлежащего.

Так, в современном немецком языке ведущим маркером безличности считается местоимение *es*, отличающееся крайне широким набором функций [Бабенко, 2022; Admoni, 1976]. Схожая функция присуща неопределенному местоимению *man*, имеющему свои особенности функционирования, отличающаяся от *es* признаком одушевленности, в связи с чем соответствующие структуры характеризуются как неопределенно-личные. В современном английском языке к категории безличных причисляются многие виды структур с начальным *it*. Помимо этого, если рассматривать стратегии имперсонализации не только в привязке к структурным параметрам предложения, но и в более широкой семантической перспективе, то к периферийным образованиям можно причислить структуры с неопределенными местоимениями различного рода,

пассивные конструкции, обороты с косвенным падежом субъекта, а также структуры с личными местоимениями (как правило, первого и второго лица), референция которых может не совпадать с их грамматическим значением и во многом определяться контекстом.

Во-вторых, исследования диахронического характера показывают, что очерченный выше набор способов имперсонализации в упомянутых языках подвергался изменению на протяжении их развития и не всегда предопределялся номинативным строем двусоставного предложения. Например, в истории английского языка известны безличные обороты с косвенным падежом субъекта (*me liketh, me thinketh*), а также особая неопределенно-личная конструкция с *man*, сохранившаяся в немецком языке. В связи с этим исследование памятников древнесаксонского может дополнить имеющиеся данные и стать еще одним звеном, способствующим реконструкции целостной картины стратегий имперсонализации и их внутренней логики (когнитивно обусловленных правил построения) в родственных германских языках в исторической перспективе.

Этими соображениями определяется актуальность исследования, цель которого состоит в выявлении в древнесаксонском тексте набора синтаксических структур, демонстрирующих признаки имперсонализации — от неопределенности или обобщенности семантического субъекта до его устранения. В качестве материала исследования использована поэма «Хелианд» [Heliand, 1878] как наиболее объемный источник, позволяющий получить репрезентативную выборку.

Методология исследования древнего текста, написанного на несохранившемся до настоящего времени языке, требует помимо контекстуального анализа неперменного использования сравнительно-аналитического метода, позволяющего иметь в качестве опоры данные об общих тенденциях и закономерностях функционирования тех или иных структур в группе родственных языков. В качестве объектов сравнения в данном случае выступают английский язык (как на древнем, так и на современном этапе своего развития) и немецкий, известные своими ближайшими родственными связями с древнесаксонским. Преимущества использования сравнительного метода имеют двойную направленность. С одной стороны, установление языковых параллелей с упомянутыми языками позволяет использовать их материал для толкования фактов древнесаксонского, а с другой — исследование древнесаксонского текста способно обогатить диахроническую картину развития германских языков как восходящих к единому истокам.

Исследование и его результаты

Анализ текста «Хелианда» позволил выделить в нем несколько разнотипных стратегий (моделей) имперсонализации:

1. Одну из наиболее частотных конструкций составляют предложения, **семантический субъект** в которых выражен формой местоимения (в чрезвычайно редких случаях — существительного) **в дательном падеже**, а в роли предиката выступает ограниченный круг глаголов (*gistandan, kuman, uuertan, uuesan, likon*), с помощью которых передается идея наступления для субъекта каких-либо событий или обстоятельств, а также описываются различные аспекты его внутреннего состояния, напр.:

- (1) *huand icro thar sulic uulleo gistuod* (2207) — «поскольку ей такая благосклонность (Божья воля) случилась»¹;
- (2) *thes im the uulleo gistod* (969) — «ибо ему это желание было (это была его воля)»;
- (3) *huanen scolde imu sulic geuuit cuman* (2656) — «откуда должна ему такая мудрость прийти»;
- (4) *cumit im thiu helpa fon gode* (3480) — «приходит (дается) им тогда помощь от Бога»;
- (5) *uuirđit im is mieda so sama* (3490) — «будет им такая награда тоже»;
- (6) *quat that im thie suno licode best allero giboranero manno* (992–993) — «молвил, что ему его сын нравился лучше всех рожденных людей».

Согласно лингвистической традиции, именно отклонение структур от номинативного строя — семантический субъект представлен в них косвенным падежом — выступает основанием для их интерпретации как формально-безличных. Противоречие между традиционным учением о падежах, в рамках которого роль активного деятеля или носителя состояния закреплена за именительным падежом подлежащего, и возможностью косвенных падежей иметь субъектную функцию на протяжении долгого времени было источником споров среди исследователей. Помимо этого, некоторые ученые проводят различие между собственно-безличными структурами, семантика которых сводится к нерасчлененно мыслимым ситуациям и которые в связи с этим не требуют указания на действующее лицо вовсе, и формально-безличными конструкциями, содержащими компоненты наименования лица как инактивного субъекта [Москальская, 1974, с. 88]. В концепции О. А. Березиной аналогичный принцип лежит в основе деления структур на собственно-безличные и функционально-безличные [Березина, 2020].

Сочетание факторов структурного и семантического характера позволяет рассматривать конструкции в вышеприведенных примерах как одну из моделей имперсонализации в древнесаксонском. Опыт выделения похожих структур имеется и в родственных языках. Так, о безличных оборотах с дательным субъекта применительно к древнеанглийскому упоминает Б. А. Ильиш [Ильиш, 1968, с. 152]. Аналогичная разновидность безличных структур выделена Т. А. Расторгуевой в ее классификации безличных конструкций древнеанглийского языка. Общим признаком безличности она называет способность сказуемого управлять дательным или винительным падежом дополнения, обозначающего лицо как семантический субъект [Расторгуева, 1954, с. 8–11]. Схожую идею высказывает и В. Н. Ярцева: «...безличный оборот легко узнается по косвенному падежу местоимения, передающего логический субъект» [Ярцева, 2022, с. 54]. Описывая особенности функционирования таких оборотов на древнем этапе английского языка, она указывает, что в древнеанглийском они строились с помощью около 40 глаголов. Исследование древнеанглийского «Беовульфа» показало, что к таковым относятся, к примеру, *alimpan*, *gespringan*, *becuman*, *weorđan*, *beon* и др. [Рючина, 2006, с. 148–149] — иначе говоря, все те глаголы, лексическое значение которых создает предпосылки для обезличивания синтаксической структуры. Исследование текста «Хелианда» в целом позволяет провести параллель с древнеанглийским эпическим памятником в том, что касается семантики описываемого типа безличных оборотов и применяемых в них глаголов.

¹ Примеры здесь и далее приводятся по рукописи С. Перевод примеров во всех случаях наш и выполнен с целью максимального сохранения языковых структур оригинала.

Отдельное место в рамках конструкции с дательным падежом субъекта занимают случаи ее реализации с глаголом *wesan* [Gallee, 1910, с. 276], отличающимся от всех остальных более абстрактной семантикой, которую можно охарактеризовать как бытийность в широком смысле. В тексте «Хелианда» безличные обороты с данным глаголом используются для описания некоторого душевного, эмоционального или психического состояния лица-субъекта и демонстрируют ярко выраженную формульность: реализуются в многократно повторяющихся однотипных контекстах с ограниченным кругом существительных – *uulleo* («желание, воля»), *niud, tharf* («нужда, потребность»). Ср.:

(7) *Im uwas thuo uulleo mikil* (871) – «Ему было желание великое»;

(8) *Uwas im thero uuordo niud* (1283) – «Была им в его словах потребность»;

(9) *Uwas im is huldi helpono tharf* (1187–1188) – «Была им в его помощи потребность (им нужна была его помощь)».

Помимо обозначенных существительных, возможно эпизодическое употребление и слов иной семантики, напр.:

(10) *uwas im anst godes* (784) – «была ему (с ним) благодать Божья»;

(11) *uwas im uundar mikil* (2414) – «было им диво (чудо) великое».

Примечательно, что во всех оборотах данного типа, вне зависимости от используемого в них глагола, субъект в косвенном падеже в подавляющем числе случаев выражен местоимением [Behaghel, 1878, S. 175].

Широкая бытийная семантика глагола *wesan* позволяет рассматривать его с иных позиций по сравнению с событийными глаголами *gistandan, kuman* или же глаголом эмоционально-психического восприятия *likon*. В частности, некоторые исследователи трактуют его не как полнозначный элемент в конструкциях подобного рода, а как связку, в сочетании с абстрактным именем существительным образующую единый предикат с единственной валентностью, представленной лицом-субъектом в косвенном падеже [Кацнельсон, 1972, с. 66].

2. Другая модель имперсонализации представлена в тексте «Хелианда» конструкциями, отличительной чертой которых является наличие **местоимения *it***, напр.:

(12) *ni uarth it gio te thes kuninges hoba // them mannon gemarid* (538–539) – «не было тогда при дворе конунга тем людям известно».

В современном английском языке местоимение *it* признается маркером безличности, способным одновременно выполнять роль **формального подлежащего**, что отвечает структурным потребностям двусоставного предложения. В классификации безличных предложений, разработанной О. А. Березиной на материале современного английского языка, все виды структур вне зависимости от их принадлежности к конкретному типу характеризуются наличием элемента *it* (*It is raining; It smells of onions; It crossed my mind ... ; It took me two hours to ... ; It is said that ... ; It is too late; It seems that ...* и т.д.) [Березина, 2020]. В рамках этой классификации наибольшую близость к примеру (12) обнаруживает разновидность безличных предложений, обозначенная как безличная безагентно-пассивная модель, реализуемая с глаголами речемыслительной деятельности (*It is widely known that...*), хотя очевидным отличием структуры в приведенном примере выступает наличие в ней дательного падежа субъекта, что сближает ее с предложениями предыдущей группы.

Вместе с тем предложения с формальным подлежащим *it* могут быть реализованы в тексте «Хелианда» и без указания на субъект, например с собы-

тийным глаголом *giwerthan*. В таких контекстах вместо *it* эпизодически отмечается указательное местоимение *that*:

(13) *hui it so giuwerthan mug* (158) — «если так случиться могло бы»;

(14) *huo mag that giuwerthan so* (271) — «как могло случиться так».

Наличие формального подлежащего, хотя и не наделенного способностью указывать на реальный субъект сообщения, превращает безличный по своей семантике оборот в двусоставную со структурной точки зрения личную конструкцию. Применительно к эволюции таких конструкций в истории английского языка В. Н. Ярцева отмечает, что именно такое их построение обеспечило возможность включения в нормальный ряд английских глагольных предложений, находящихся под давлением двусоставного строя [Ярцева, 2022, с. 56]. В современном немецком языке роль формального подлежащего выполняет местоимение *es* с широким набором функций.

Помимо местоимения *it*, в роли формального подлежащего в английском языке способно выступать и наречие *there*, дейктическое значение которого допускает градацию и может быть в существенной степени размыто в тех случаях, когда оно служит исключительно для сообщения о факте наличия или отсутствия чего-либо. Оба вводных элемента (*it* и *there*) допустимо рассматривать как мыслительную абстракцию, суть которой сводится к установлению исходной позиции для последующего развертывания высказывания. Если признать такой взгляд на структурные возможности моделей обезличивания, то перечень представленных в тексте «Хелианда» безличных оборотов с формальным подлежащим можно дополнить представленными ниже конструкциями. С семантической точки зрения они обнаруживают сходство со структурами английского языка как на древнем, так и на современном этапе его развития, однако явным отличием от современной конструкции *there is/are/was/were* является позиционное расположение элемента *thar*. В связи с этим вопрос о возможности признания за ним функции семантически пустого вводного слова (и вместе с тем формального подлежащего) остается открытым. Ср.:

(15) *Than uwas thar en gigamalod mann* (72) — «Тогда был однажды составившийся человек»;

(16) *Thuo uuarth thar megin so mikil* (1244) — «Там была толпа огромная».

3. Определенную степень имперсонализации можно усматривать и в **пассивных структурах**, не содержащих указания на лицо как производителя (источник) действия и лишенных, таким образом, референциального компонента, напр.:

(17) *That gibod uuarth gilestid ober thesa uuidun uuerold* (348–349) — «Тот запрет был провозглашен по всему миру»;

(18) *So is an usson buokon giscriban* (621) — «Так в наших книгах написано».

В некоторых случаях пассивный предикат сочетается с маркером безличности *it*; кроме того, возможно и наличие дательного падежа субъекта как получателя некоторого нового состояния:

(19) *Giscriban uwas it iu lango an buokon giuuritan* (1085–1086) — «Написано было давно в книгах»;

(20) *Them is oc an himile godas uang forgeþan* (1322–1323) — «Им на небесах благодать дана».

В лингвистической традиции пассивный залог не рассматривается как реализация семантики безличности в строгом смысле слова, хотя указания на соприкосновение этих двух категорий довольно многочисленны. К примеру, еще А. А. Шахматов ставил в один ряд понятия пассивно-возвратного и без-

лично-безобъектного залогов; взаимосвязь персональности и залоговости исследовалась в свете теории функционально-семантических полей [Бондарко, 2017], а пассивизация — как один из способов устранения субъекта в германских языках [Алисова, 1969]. По-видимому, причина этого кроется в том, что обе упомянутые категории прочно связаны с реализацией в высказывании субъектно-объектных отношений и многие из признаков, которые используются для описания субъекта в безличных предложениях (напр., устраненность, неконтролируемость, инактивность), можно усматривать и в пассивных структурах. В современном немецком языке известна конструкция *unpersönliches Passive*, не имеющая указания на производителя действия и маркированная наличием вводного элемента *es*, напр. *es wird getanzt, gelacht, gesungen*. Однако М. М. Гухман считает, что данная форма на самом деле представляет собой лишь омоним пассивного залога, является членом совершенно другой грамматической оппозиции и применяется для выражения безличности у непереходных глаголов [Гухман, 1964, с. 12].

4. Отдельного внимания в перечне возможных моделей имперсонализации заслуживают структуры с **неопределенно-личным местоимением *man***, отмеченные в тексте «Хелианда» в сравнительно небольшом числе случаев, напр.:

(21) *So man herren skal georno fulgangan* (111–112) — «Так нужно за своим господином с готовностью следовать»;

(22) *Than is imo so them salte them man be seuues staðe uuido teuuirpit* (1370–1371) — «Тогда таково ему, как той соли, которую возле морского берега широко раскидало».

Известно, что местоимение *man* (или идентичное ему) — один из способов указания на неопределенно-личный агенс в современном немецком, датском, шведском, нидерландском языках. Исторически оно берет начало от существительного со значением человеческого существа («человек, мужчина»), десемантизация и последующая грамматикализация которого в целом достаточно распространена в языках мира. Применительно к древним текстам особый вопрос может возникать в связи с определением степени десемантизации элемента *man* и выделением тех контекстов, где утрата им своей однозначности достигает наивысшего уровня, уступая место абстрактной идее агенсности в сочетании с функцией формального подлежащего двусоставного предложения.

По-видимому, основным инструментом в данном случае остается контекстуальный анализ: так, в приведенных выше примерах не возникает сомнений, что основной акцент высказывания приходится на само действие, а не на его исполнителя, каковым может быть любой человек в принципе. В иных контекстах одним из признаков сохранения элементом *man* своей однозначности может быть его реализация в сочетании с каким-либо местоимением (*enig, oðar*), которое, несмотря на собственную семантику неопределенности, все же уточняет значение *man* по сравнению с теми контекстами, где данный элемент реализуется самостоятельно. Ср.:

(23) *Thar ni uuarth sithor enig man sprakono so spahi* (571–572) — «Не было с тех пор ни одного человека, который бы говорил так резко»;

(24) *Nio hier er sulic ni uuarth an thesan middilgard man oðar cuman dadeon so mari* (925–927) — «Никогда не было на земле такого человека, который делами так славился».

Исследование материала древнеанглийского языка, родственного древнесаксонскому, также позволило установить присутствие в нем особой модели неопределенно-личных предложений с местоимением *man*. К примеру,

в тексте «Беовульфа», который, как и «Хелианд», принадлежит к эпическому жанру древнегерманской аллитерационной поэзии, данная модель реализуется в высказываниях поучительного, афористического характера (условная формула — *swa sceal man doon*, аналогичное по своей структуре и семантике высказывание на древнесаксонском представлено в примере 21). В них речь идет о том, как следует или должно поступать любому храброму и отважному воину, напр.: *lofdaedum sceal // in maegþa gegwaere / man gefeop* (24–25) [URL: <https://heorot.dk/beo-intro-rede.html>] — «доблестными делами должно среди дружины славиться».

Примечательно, что пример из древне немецкой «Песни о Хильдебранде», приводимый В.М. Жирмунским как иллюстрация приобретения существительным *man* значения неопределенного субъекта, обнаруживает тот же самый афористический характер, что и высказывания из «Беовульфа»: *mit geru scal man geba infahan* — ‘*mit dem Speere soll der Mann (>man) Gaben empfangen*’ [Жирмунский, 2023, с. 206]. Таким образом, существуют основания говорить о наличии в древнегерманских поэтических памятниках особой эпической формулы с присущим ей значением наставления (назидания), реализуемой в структурной модели предложения с неопределенно-личным местоимением *man*. Вместе с тем в тексте «Беовульфа» данная формула допускает использование и некоторых полнозначных существительных вместо *man*, в частности *eorl* («воин, дружинник, ратник»): *swylc eorl scolde // wesan aergod / swylc Æschere was* (1326–1328) [URL: <https://heorot.dk/beo-intro-rede.html>] — «таким воин должен быть славным, как Эскхере». В связи с этим делается вывод, что, с одной стороны, переход существительного *man* к роли неопределенно-личного местоимения в конструкциях подобного рода может быть завершен не полностью и его семантический объем может допускать определенную вариативность, а с другой — сама синтаксическая модель с неопределенно-личной семантикой может допускать различные варианты своей реализации [Разумных, 2025].

Интересные результаты в дополнение к изложенным наблюдениям дает текст «Хелианда». Так, в той части поэмы, где Иисус учит собравшихся Божиим заповедям и дает наставления о правилах праведной жизни, существительные *man* и *erl* обнаруживают регулярную взаимозаменяемость при общем сохранении обобщенной референции. Ср.:

*Oc scal ic iu seggean noh,
huo it thar an them aldon eo gebiudid,
that enig erl odres idis ni bisuuica,
uuif mid uuammu. Than seggio ic iu te
uuaron oc,
that thar man is siuni magun suuido farledean
an mirki men, ef hi ina latid is mod spanen
...
Ef than thana man is siun uuili ettha is
suidare hand,
farledien is litho huulic an ledan ueeg,
than is erlo gehuuem odar betara,
firiho barno, that he ina fram uuerpa.
(1475–1487)*

*Должен я вам сказать,
как в старом законе вам наказано,
что никто (никакой человек) не должен
жены другого возжелать, соблазнить ее
грехом. Тогда говорю я вам сейчас, что
глаза человека могут быстро ввести его в
искушение, если он позволит его разуму
быть ведомым
...
Если тогда такого человека его глаза или
его правая рука поведут по порочному пу-
ти, тогда такому человеку лучше будет,
чтобы он их отнял (от тела).*

Более того, сравнение двух рукописей позволило обнаружить по крайней мере один случай, где они различаются между собой использованием существительных *man* и *erl* для описания одной и той же ситуации:

(25) *Duo allaro manno gihuilic / adron manne frume endi gefori* (Cotton, 1536) — *Doe alloro erlo gehuilic / odrom manne frume endi gefori* (Monac, 1536) — «Пусть делает каждый человек другому человеку хорошее и полезное».

Таким образом, возвращаясь к вопросу о вариативности предположительно формального и полнозначного подлежащего в эпической формуле в тексте древнеанглийского «Беовульфа», можно также полагать, что речь в данном случае идет не только о различиях в степени десемантизации *man* или вариативной реализации модели предложения с неопределенно-личной семантикой, но и о том, что такая вариативность поддерживается прочными смысловыми связями существительных *man* и *eorl* (*erl*), обнаруживаемыми не только в древнеанглийском, но и в материале генетически родственных ему языков, в частности древнесаксонского.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что стратегии имперсонализации как различной степени устраненности семантического субъекта носят в тексте «Хелианда» достаточно разнообразный характер и представлены тремя основными моделями. Важными структурными компонентами первых двух моделей являются дательный падеж лица-субъекта и маркер безличности *it*, выполняющий также функцию формального подлежащего в двусоставных конструкциях. При этом указанные компоненты могут как реализовываться в составе соответствующих моделей самостоятельно, так и сочетаться друг с другом в рамках одного высказывания. В качестве формального подлежащего, помимо *it*, можно также рассматривать и элемент *thar*, однако степень утраты им своего лексического значения на древнем этапе представляется спорной.

Третья из описанных моделей представлена структурой с местоимением *man*, наделенным неопределенно-личным значением в результате десемантизации и грамматикализации существительного со значением человеческого существа, что представляет собой весьма распространенный путь формирования местоимений не только в германских, но и в других языках мира. Данная модель отличается от двух первых, помимо прочего, сочетанием номинативности и абстрактной агенсности, заложенной в семантически ослабленном местоимении. При этом ее частотность в исследованном тексте оказывается сравнительно невысокой, что соответствует данным, полученным ранее по результатам исследования древнеанглийского «Беовульфа». Одно из возможных предположений может быть связано с жанрово-стилистической принадлежностью текстов — не исключено, что широкое использование конструкции такого рода не вполне характерно для древнегерманских поэтических произведений, хотя ее встречаемость в различных текстах говорит о наличии такой структуры в принципе.

Все упомянутые конструкции находят грамматические параллели в родственных древнесаксонскому английскому и немецкому языках. Примечательная особенность некоторых из них — формульный характер реализации в тексте «Хелианда», т. е. многократная повторяемость в схожих контекстах, что в целом соответствует формульному характеру древнегерманской аллитерационной поэзии. Применительно к модели с дательным падежом субъекта такая повторяемость поддерживается ограниченным кругом используемых в ней собы-

тийных глаголов, местоимением в роли семантического субъекта, а при использовании глагола широкой семантики *wesan* — еще и сравнительно небольшим набором абстрактных существительных, с помощью которых описывается внутреннее психоэмоциональное состояние персонажей. Кроме того, определенные черты формульности можно усматривать и в использовании структуры с *tan* в выражениях поучительного характера, что имеет свои параллели в памятниках древнеанглийского и древненемецкого языков.

Завершая обсуждение аспектов, связанных с реализацией категории персональности/имперсональности в исследованном тексте, отметим, что способы ее выражения не исчерпываются описанными моделями. Так, за пределами настоящей статьи остались особенности функционирования неопределенных местоимений, а также вторичные (в терминологии А. А. Шахматова — «неопределенно-выраженные» и «квалифицированные») способы употребления личных местоимений, которые могут изменять свою первоначальную референцию, поддерживая тем самым разнообразие значений и конструкций в общем поле персональности.

Список источников

- Алисова Т. Б.* Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1969. С. 27–36.
- Бабенко Н. С.* Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 29–49. EDN: MISPRR. <https://doi.org/10.47388/2782-2605/lunn2022-19-29-49>
- Березина О. А.* Категория «безличность» в современном английском языке : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2020. 406 с. EDN: WMODOB.
- Бондарко А. В.* Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с. EDN: XMC DVV.
- Гухман М. М.* Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М.: Наука, 1964. 293 с.
- Гухман М. М., Семенюк Н. Н.* История немецкого литературного языка IX–XV вв. М.: Наука, 1983. 200 с.
- Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М.: УРСС, 2023. 416 с.
- Зеленецкий А. Л.* Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Академия, 2004. 252 с.
- Ильиш Б. А.* История английского языка. М.: Высшая школа, 1968. 421 с.
- Историко-типологическая морфология германских языков : в 3 т. / О. А. Смирницкая, Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова, М. М. Гухман [и др.]; ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1977–1978.
- Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 217 с.
- Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М.: Высшая школа, 1974. 157 с.
- Сафонова О. Е.* «Хелианд» как памятник литературного языка донационального периода : дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 152 с.
- Сравнительная грамматика германских языков : в 5 т. / гл. ред. М. М. Гухман [и др.]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962–1966.
- Разумных Е. В.* Неопределенно-личные предложения с местоимением *tan* в древнеанглийском языке // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 49–60. EDN: AXUCAV. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-49-60>
- Расторгуева Т. А.* История развития безличных предложений в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 24 с.
- Рючина Е. В.* Двухместные предикаты в древнеанглийском: на материале «Беовульфа» и «Англосаксонских хроник» : дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2006. 294 с. EDN: NNZAKN.
- Ярцева В. Н.* Исторический синтаксис английского языка. М.: Ленанд, 2022. 312 с.

- Admoni W. Es handelt sich um es. Zur gegenwärtigen Lage in der Grammatiktheorie // Wirkendes Wort. Deutsche Sprache in Forschung und Lehre. 1976. Jg. 26, H. 4. S. 219–227.
- Behaghel O. Die Syntax des Heliand. Wien: F. Tempsky, 1897. 415 S.
- Behrmann A. Die pronomina personalia und ihr Gebrauch im Heliand. M.: Нобель-пресс, 2025. 40 с. (Репринт).
- Gallee J. H. Altsächsische Grammatik. Verlag von Max Niemeyer Halle, 1910. 376 S.
- Heliand / hrsg. von E. Sievers. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1878. 495 S.
- Heliand und Genesis / hrsg. von O. Behaghel. Halle: Max Niemeyer, 1903. 326 S.
- Holthausen F. Altsächsisches Elementarbuch. Heidelberg: Winter, 1921. 261 S.
- Krogh S. Die Stellung des Altsächsischen im Rahmen der germanischen Sprachen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. 416 S.
- Robinson O. W. Old English and its closest relatives. Stanford: Stanford University Press, 1992. 290 p.
- Schützeichel R. Althochdeutscher und Altsächsischer Glossenwortschatz. 12 Bände. Berlin; New York: De Gruyter, 2004. 6717 S.
- Tiefenbach H. Altsächsisches Handwörterbuch / A concise Old Saxon dictionary. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. 644 S.

References

- Admoni, B. (1976). It is about *es*. On the current situation in grammar theory. *Effective Word. German Language in Research and Teaching*, vol. 26, no. 4, pp. 219–227. (In German).
- Alisova, T. B. (1969). Semantic and communication substate of impersonal sentences. *Invariant syntactic meanings and sentence structure*. Moscow, Science, pp. 27–36. (In Russian).
- Babenko, N. S. (2022). The phenomenology of impersonality and its syntactic projections in German. *Germanic Philology in Russia*, no. 19, pp. 29–49. (In Russian). EDN: MISPRR. <https://doi.org/10.47388/2782-2605/lunn2022-19-29-49>
- Behaghel, O. (1897). *The syntax of the Heliand*. Wien, F. Tempsky, 415 p. (In German).
- Behaghel, O., ed. (1903). *Heliand and Genesis*. Halle, Max Niemeyer, 326 p. (In German).
- Behrmann, A. (2025). *The personal pronouns and their use in the Heliand*. Moscow, Nobel-Press, 40 p. (Reprint). (In German).
- Berezina, O. A. (2020). *Impersonality category in modern English*. PhD thesis. Saint Petersburg, 406 p. (In Russian). EDN: WMODOB.
- Bondarko, A. V. (2017). *Verb categories in the system of functional grammar*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 336 p. (In Russian). EDN: XMCDVB.
- Gallee, J. H. (1910). *Old Saxon Grammar*. Halle, Verlag von Max Niemeyer, 376 p. (In German).
- Gukhman, M. M. (1964). *The development of voices in German languages*. Moscow, Science, 293 p. (In Russian).
- Gukhman, M. M. et al., ed. (1962–1966). *Comparative grammar of the Germanic languages*: in 5 vols. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Gukhman, M. M. and Semenyuk, N. N. (1983). *The history of German literary language in 9th–15th centuries*. Moscow, Science, 200 p. (In Russian).
- Holthausen, F. (1921). *Old Saxon Elementary Book*. Heidelberg, Winter, 261 p. (In German).
- Ilyish, B. A. (1968). *The history of English language*. Moscow, Higher School, 421 p. (In Russian).
- Katsnelson, S. D. (1972). *Language typology and speech thinking*. Leningrad, Science, 217 p. (In Russian).
- Krogh, S. (1996). *The position of Old Saxon within the Germanic languages*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 416 p. (In German).
- Moskalskaya, O. I. (1974). *The problems of system description of syntax*. Moscow, Higher School, 157 p. (In Russian).
- Rastorgueva, T. A. (1954). *The history of impersonal sentences in English*. Abstract of PhD thesis. Moscow, 24 p. (In Russian).
- Razumnykh, E. V. (2025). Indefinite-personal ‘man’ structures in Old English. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 2, pp. 49–60. (In Russian). EDN: AXUCAV. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-49-60>

- Robinson, O. W. (1992). *Old English and its closest relatives*. Stanford, Stanford University Press, 290 p.
- Ryuchina, E. V. (2006). *Binary predicates in Old English based on Beowulf and the Anglo-Saxon Chronicles*. Kaluga, 294 p. (In Russian). EDN: NNZAKN.
- Safonova, O. E. (1978). *Heliand as a written artifact of pre-national literary language*. PhD thesis. Moscow, 152 p. (In Russian).
- Schützeichel, R. (2004). *Old High German and Old Saxon Gloss Vocabulary*. in 12 vols. Berlin, New York, De Gruyter. (In German).
- Sievers, E., ed. (1878). *Heliand*. Halle, Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 495 p. (In German).
- Smirnitskaya, O. A., Makayev, E. A., Kubryakova, E. S., Gukhman, M. M. et al. (1977-1978). *Historical and typological morphology of the Germanic languages*: in 3 vols. M. M. Gukhman (ed.). Moscow, Science. (In Russian).
- Tiefenbach, H. (2010). *A concise Old Saxon dictionary*. Berlin, New York, De Gruyter, 644 p. (In German).
- Yartseva, V. N. (2022). *Historic syntax of English language*. Moscow, Lenand, 312 p. (In Russian).
- Zelenetsky, A. L. (2004). *The comparative typology of major European languages*. Moscow, Academy, 252 p. (In Russian).
- Zhirmunsky, V. M. (2023). *The history of German language*. Moscow, URSS, 416 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Разумных Елена Валерьевна — канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка, amilano80@mail.ru

Information about the Author

Elena V. Razumnykh – Ph.D. in Philology, associate professor of English Language Department, amilano80@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 09.04.2026.

The article was submitted 29.10.2025; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 09.04.2026.